

„Второклассный Дон-Жуан“

В. Вересаев

Утверждают, что Дон-Жуан, герой одной из популярнейших европейских легенд, существовал в действительности. В середине четырнадцатого века в Севилье жил молодой человек гранд Дон-Жуан ди Тенорио. Он вел распутную жизнь, обольщал девушек и женщин. Однажды ночью он пробрался в дом командора ордена Калатравы, с целью обольстить его дочь. На крик девушки прибежал ее отец. Дон-Жуан убил его на поединке. Командора похоронили в монастыре францисканцев и на могиле воздвигли статую. По просьбе семьи убитого, монахи заманили Дон-Жуана в монастырь, убили и распустили слух, что его низвергла в ад статуя командора, которую он оскорбил.

Эта благочестивая легенда, рассказывающая, как жестоко карают грешника высшие силы, родилась на заре эпохи Возрождения, когда средневековая аскетическая мораль начала трещать по всем швам, когда буйными волнами все выше стало вздыматься стремление к «реабилитации плоти», к свержению пут, наложенных на человека монашеским средневековьем. Благодаря завлекательности сюжета легенда получила большую популярность во всех европейских странах. Однако, новое жизненное отношение очень успешно стало вытравлять из легенды самую ее существенную часть — благочестивое стремление устрашить грешников ждущую их за гробом карою.

Одним путем пошла итальянская народная комедия — *commedia dell'arte*. Она заполнила драму смехом, шутками, буффонадами и главную роль отвела слуге Дон-Жуана — Арлекину или Пассарино. Является Каменный гость. Слуга, с полным стаканом вина в руке, перекувыркивается, не

проливая ни одной капли. Он все время сыплет остротами, в самом комическом виде изображает охвативший его ужас, и Дон-Жуан проваливается при общем хохоте зрителей.

Другим путем пошла серьезная драма. Первая литературная обработка легенды принадлежит испанскому драматургу Тирсо-де-Молина (XVII в.). Заключительная сцена ужина Дон-Жуана со статуей командора в подземельи часовни должна была в достаточной степени нагонять жуть на верующих зрителей, — как командор угощает Дон-Жуана адскими блюдами из тарантулов и ехиден, вином из желчи и уксуса, как на мольбы Дон-Жуана дать ему причаститься перед смертью отвечает: «Поздно!» Но уж и здесь Дон-Жуан выведен бестрепетным смельчаком, без колебаний идущим на общение с адским пришельцем. У последующих драматургов Дон-Жуан является гордым богоборцем. У французского драматурга Доримона он говорит отцу: «Ни отец, ни король, ни бог не предпишут мне законов». А когда статуя командора призывает его к покаянию, Дон-Жуан с вызовом восклицает: «Я не раскаюсь из боязни смерти, и если бы небо вооружилось против меня, я стал бы с ним бороться!» В дальнейшей эволюции Дон-Жуан приобретает новую черту — полное безбожие. У Мольера он говорит: «Я верю только в то, что два и два — четыре, а четыре да четыре — восемь».

Высшего завершения образ Дон-Жуана достигает у Моцарта. Либретто Да-Понте Моцарт насыщает музыкою, такой потрясающей силы, что Дон-Жуан вырастает у него до размеров титана, достойного стать рядом с героями античной трагедии. Помню

Дон-Жуана в великолепном исполнении Баттистини.

Дворец Дон-Жуана. Пир окончился, гости разошлись. За сценою раздаются странные, жуткие звуки. В музыке нарастающая тревога. Лепорелло в смятении. Дон-Жуан посылает его узнать в чем дело. Лепорелло идет и в ужасе прибегает обратно:

А, синьор! Беда, беда!
Не ходите вы туда!
Гость из камня... Бел, как мрамор...
А синьор, я мертв от страха!
Верьте мне, я ясно видел,
Слышал сам, как он идет...
Та! Та!.. Та! Та!

ДОН-ЖУАН. Ничего не понимаю!
ЛЕПОРЕЛЛО. Та! Та!.. Та! Та!
ДОН-ЖУАН. Лепорелло, ты дурак!
ЛЕПОРЕЛЛО. Что? Слыхали?
ДОН-ЖУАН. Там стучатся.

Отвори же

ЛЕПОРЕЛЛО. Я боюсь.
ДОН-ЖУАН. Отворяй!
ЛЕПОРЕЛЛО. Ой-ой!
ДОН-ЖУАН. Ты слышишь?
ЛЕПОРЕЛЛО. Ой-ой-ой!
ДОН-ЖУАН. О, трус несчастный!
Чтоб покончить с этой шуткой
Я пойду, открою сам!

Мерно и, как судьба, неотвратимо звучат в оркестре тяжкие шаги командора. На пороге появляется статуя.

Дон-Жуан! К себе на ужин
Звал меня ты. И я явился.

ДОН-ЖУАН. Никогда б я не поверил...
Но я вам душевно рад.
Лепорелло, поскорее
Дай сюда еще прибор.
ЛЕПОРЕЛЛО. А, синьор, мы все погибли!

ДОН-ЖУАН. Ну, скорее!
КОМАНДОР. Стой! не ходи!
Кто питается пищей небесной,
Не нужна тому пища земная.
Не для того я пришел издалека,
С целью иною пришел я сюда.

ДОН-ЖУАН. Говори же! Что нужно? Что хочешь?

КОМАНДОР. Слушай! Скажу я. Мой короток срок.

ДОН-ЖУАН. Говори, говори же, я жду.

КОМАНДОР. Ты звал меня на ужин.
Долг ты хозяина знаешь.
Ответь же мне,— пойдешь ли
Ужинать со мною?

Лепорелло из-под стола, куда он спрятался, тихонько подсказывает Дон-Жуану:

— Нет, нет, я занят, простите!

ДОН-ЖУАН. Никто презренным трусом
Меня не назовет.

КОМАНДОР. Решай же!
ДОН-ЖУАН. Я уж решился.
КОМАНДОР. Пойдешь?
ЛЕПОРЕЛЛО. Скажите: нет!
ДОН-ЖУАН. В груди не слабо сердце,
Нет страха в нем... Пойду!

КОМАНДОР. Дай же в залог мне руку.
ДОН-ЖУАН. Ой!
КОМАНДОР. Что с тобою?
ДОН-ЖУАН. Как холодна рука!
КОМАНДОР. Жизнь измени! Покайся!
Последний срок приходит!

ДОН-ЖУАН. Нет, нет, я не покаюсь.
Прочь от меня иди!

Голос Командора гремит.

Рука Дон-Жуана сдавлена страшным каменным пожатием. Упав на колено, он извивается в нестерпимых муках.

— Кайся скорей, преступный!

ДОН-ЖУАН. Старик, ты в детство впал!
КОМАНДОР. Кайся!
ДОН-ЖУАН. Нет!
КОМАНДОР. Кайся!
ДОН-ЖУАН. Нет!
КОМАНДОР. Да!
ДОН-ЖУАН. Нет!
КОМАНДОР и ЛЕПОРЕЛЛО. Да!
ДОН-ЖУАН. Нет!
КОМАНДОР. Ах, срок уже прошел!

Из-под земли вырываются в огне адские страшилища, кидаются на Дон-Жуана и увлекают его.

В смерти своей Дон-Жуан высоко поднимается над прожитою жизнью — не покаянием, а бесстрашно-гордым отказом от покаяния.

Теперь сравните у Пушкина.

Дон-Жуан у Доны Анны. Она назначает ему на завтра свидание, целует его. Он уходит и вбегает назад.

ДОН-ГУАН. А!
ДОНА АННА. Что с тобой?.. А!..

Входит статуя командора. Дона Анна падает в обморок.

СТАТУЯ. Я на зов явился.
ДОН-ГУАН. О боже! Дона Анна!
СТАТУЯ. Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан?

ДОН-ГУАН. Я? Нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

СТАТУЯ. Дай руку.

ДОН-ГУАН. Вот она... О, тяжело
Пожатие каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мне руку...
Я гибну — кончено... О, Дона Анна!

Пришел командор, взял Дон Гуана за шиворот, как напакостившего щенка. И щенок, визжа от испуга, кувырком полетел в преисподнюю.

В чем дело? Неужели Пушкин, знакомый с великолепной гибелью Дон-Жуана у Моцарта, не сумел дать чего-либо подобного? Или смехотворно-жалкий конец его Дон Гуана органически входил в художественный замысел Пушкина и естественно вытекал из всей трактовки им этого образа?

Мне приходилось не раз указывать, что Пушкин в существе своем был далеко не так ясен, гармоничен и жизнерадостен, как его обычно изображают. Да и слишком для этого было мало данных и в самой натуре поэта, и в тяжелых условиях его жизни. Путем огромной работы над собою Пушкин преодолевал свои гнетущие и упадочные настроения, умел стать выше их. Темную, низменную жизнь с ее скукою, унынием и безнадежностью он в творчестве своем пропитывал ярким солнечным светом и делал ее бодрящею, прекрасною. Интересно наблюдать, как это у него происходило. Приведем один пример. В сентябре 1835 года Пушкин писал жене из деревни: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уже в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу». Вот первоначальное, так сказать, биографическое впечатление Пушкина от молодой сосновой поросли: «досадно мне смотреть на нее». Это эгоистическое, темное, как руда, живое впечатление в огне творчества переплавляется в светлое, как золото, примирение старости с идущей ей на смену молодою жизнью и в радостное приветствование ее:

Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий, поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук...
и т. д.

Поэзия Пушкина — это, поистине, самые высокие вершины душевного благородства, целомудренной чистоты и светлой ясности духа. Однако, в черновиках Пушкина, в на-

бросках его первоначальных замыслов мы иногда наталкиваемся на странные низины, совершенно неожиданные для Пушкина и говорящие, что первоначальные его настроения, соответствующие начальным стадиям творчества, не бывали лишены настроений глубоко упадочного характера.

В одном черновом наброске, относящемся к 1823 году, поэт пишет:

Придет ужасный миг,—твой небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной
ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные
места,
Где прадедов твоих починут мощи
хладны;
Но я, дотолы твой поклонник
безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой...
Лампада бледная твой бледный труп
осветит...
Коснусь я хладных ног, к себе (обняв)
их на колени
Сложу и буду ждать... Чего?
Чтоб силою мечтанья моего
У ног твоих...

И это не единичное место. В 1826 году Пушкин пишет монолог князя, идущего лунною ночью на свиданье с русалкою, — может быть, первоначальный набросок «Русалки»:

Дыханья нет из бледных уст,—но сколь
Пронзительно сих влажных, синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья,
Томительно и сладко — в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается — тогда
Какой-то хлад как ужас пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томленьем и любовью замирая,
И в этот миг я рад оставить жизнь—
Хочу стонать и пить ее лобзанья...

Как будто все это пишет Бодлэр. Но Бодлэр при подобных настроениях и оставался. Пушкин же с жизненных низин, как по ступенькам, с каждой стадией своей работы поднимается все выше и выше на вершины чистейшего целомудрия и ясности духа.

Очень интересно по черновикам Пушкина проследить этот процесс постепенного облагораживания и углубления намеченной темы. Вот, например, стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный». Первоначально это было длинное стихотворение,

где рассказывалось о том, как рыцарь влюбился в изображение девы Марии и стал равнодушен ко всем женщинам, как перестал молиться отцу, сыну и святому духу и целые ночи проводил перед образом богоматери, как отправился в Палестину:

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он, будто заключен,
Все влюбленный, все печальный
Без причастья умер он.
Между тем, как он кончался,
Бес лукавый подошел,
Душу рыцаря собрался
Утащить он в свой предел,
Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Не путем де волочился
Он за матушкой Христа.
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

Своеобразная история извращения, наблюдавшегося нередко в самых разнообразных формах во времена аскетического средневековья. И своеобразное освещение этой истории, выдержанное Пушкиным совершенно в духе того же средневековья. Такова была тема, и таково было исполнение в первоначальном замысле. Но постепенно образ бедного рыцаря растет, светлеет, облагораживается, болезненные извращения отпадают, и в окончательной редакции перед нами — восторженный и смелый духом мечтатель, фанатический приверженец высокой идеи:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите.
И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,—
Lumen coeli, sancta rosa!

Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.
Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен;
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец, умер он.

Если Пушкин не находит разрешения своим упадочным настроениям, не видит пути, которым он мог бы их преодолеть, — он останавливается и выжидает. Вот «Египетские ночи», своим содержанием приводящие в такой восторг декадентов. Красавица-царица, находящая острое сладострастие в том, чтобы жаркими ласками осыпать любовника, который эти ласки купил ценою своей жизни, которого она наутро пошлет на плаху. «Сладострастие паучихи, поедающей самца», по выражению Достоевского. И повесть, и само стихотворение Пушкиным не кончены и, конечно, написаны им не были. Видимо, он ждал времени, когда сможет кончить их по-пушкински, — когда и для самого себя, и для читателя сумеет тем или другим способом преодолеть жуть и мусть начатого произведения и стать выше их.

Настроения, очень близкие к настроениям Клеопатры из «Египетских ночей», переживает и пушкинский Дон Гуан. Его необходимо тянет все время к такой любви, которая соприкасается со смертью, с умиранием, с болезненным увяданием; именно в такой любви для него заключено особенное сладострастие. Это очень тонко указано Д. Д. Благим. Дон Гуан вспоминает о своей умершей возлюбленной Инезе:

Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губках...
А голос
У ней был тих и слаб, как у больной.

В первоначальном тексте:

Дикую приятность
Я находил в ее безумном взоре
И посинелых губках...

Дон Гуан у Лауры убивает на поединке Дон-Карлоса. Труп распростерт на полу. Дон Гуан обнимает и целует Лауру. Она смущена:

Постой!.. При мертвом!.. Что нам делать с ним?

Но Дон Гуана это несколько не смущает. Он успокаивает Лауру, что на заре вынесет труп на перекресток, и тут же, близ

трупа соперника, проводит с Лаурой горячую ночь.

У всех других авторов командор—отец обольщенной Дон-Жуаном женщины; у Пушкина — ее муж. У других Дон-Жуан приглашает статую командора на ужин; у Пушкина — на свое любовное свидание с его женой:

Проси статую завтра к Доне Анне
Прийти попозже вечером и стать
У двери на часах.

Дон Гуану под именем Дон Диго удается возбудить к себе любовь Доны Анны. Дело идет к окончанию. Для всякого другого донжуана нечего больше и желать. Но пушкинского Дон Гуана нисколько не привлекает такая «пресная» развязка. Пусть Дона Анна отдастся убийце ее мужа, зная, что отдается убийце, — в этом будет завлекательная острота и сладость. И вот Дон Гуан открывает Доне Анне, — не в сумасшедшем порыве, забывающем о последствиях, а как игрок, хладнокровно рассчитывающий свой ход. Он говорит про себя:

Идет к развязке дело!..

И достигает своего. Дона Анна назначает ему на завтра решительное свидание, зная, что отдается убийце ее мужа.

«Извращенное совсем на особый лад сладострастие Дон Гуана, — вот то специфически новое, то свое, что вносит Пушкин в мировой сюжет об испанском обольстителе», — замечает Благой.

Внесению Пушкиным этих новых черт в образ Дон-Жуана Благой дает упрощенно-социологическое объяснение — натянutos и мало интересное, останавливаться на нем не стоит. Но факт указан Благой верно: пушкинский Дон Гуан полон совершенно упадочных настроений, резко отличающих его от здорово-чувственного образа других донжуанов.

И Пушкин тонко, без всяких подчеркиваний, как всегда у него, разоблачает жалкую сущность своего Дон Гуана в заключительной сцене, в смехотворном его конце, лишенном и тени героизма. Можно только удивляться, как этого не замечают наши театры. Загипнотизированные героическим концом канонического Дон-Жуана, они изо всех сил стараются окружить героическим ореолом гибель и пушкинского Дон Гуана.

Эпитафom к «Каменному гостю» Пушкин поставил следующие слова Лепорелло из моцартовского «Дон-Жуана»:

О, благороднейшая статуя
Великого командора...
Ай, господин!

Эпитафom обычно концентрирует в себе основной смысл произведения. И вот эпитафom Пушкин ставит обращение к командору Лепорелло, оканчивающееся испуганным криком. Не таким же ли трусливым криком оканчивается общение с командором и самого Дон Гуана?

У Пушкина есть стихотворение «Родословная моего героя». Действующим лицом его является мелкий чиновник в чине коллежского регистратора. Воображая себе усмешку критика по поводу такого незавидного героя, Пушкин возражает:

Я в том стою, — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон, даже не цыган...

Пушкин перечисляет здесь прежних своих романтических героев и к Дон-Жуану прибавляет определение «второклассный». Это ясно показывает, как расценивал сам Пушкин «класс» своего Дон Гуана.

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7